

С нового года я только один раз ночевал в бомбоубежище — директор Авдеевского коксохима

Третий год подряд директор входящего в "Метинвест Холдинг" Авдеевского коксохимического завода Муса Магомедов практически управляет городом-спутником предприятия, пережив с ним самые сложные моменты. В перерывах между обстрелами он нашел время рассказать о перспективах АКХЗ, жизни в бомбоубежище и мечтах о розовых фламинго.

Как повлияли на работу завода недавние боевые действия и блокада поставок с неконтролируемой территории?

Мы сократили производство с 8,5 тыс. тонн до 5 тыс. тонн кокса в сутки по двум причинам. Во-первых, сократились поставки угля с неконтролируемой территории. Во-вторых, из четырех вводов, по которым мы получаем электроэнергию, восстановлен только один, к восстановлению остальных трех нас не допускают. Это не позволяет обеспечить полноценную работу завода.

Какова сейчас ситуация с обеспечением углем? Будете искать другие источники поставок? И как это может отразиться на стоимости конечного продукта?

Мы в постоянном поиске альтернативных поставщиков. Закупали сырье и в Колумбии, и в Польше, и в Новой Зеландии. Все эти угли достаточно дорогие, да и логистика также недешева. Сопоставимые по качеству и стоимости с углем с НКТ мы вряд ли сможем найти. Сырье с неконтролируемой территории составляло около 15-20% в общем объеме, а последний раз нам отгружали донецкий уголь еще в январе. Естественно, с того момента себестоимость производства у нас возросла.

Часто в качестве примера приводят "АрселорМиттал" или другие заводы, которые используют привозной уголь. Но мы работаем в условиях войны и военной логистики, из-за этого у нас самая сложная ситуация из всех коксохимических заводов.

Сможете ли вы до конца года выйти в план при таких условиях работы?

Зависит от нескольких составляющих. Первое — что будет происходить с энергоснабжением. Если у нас будет два ввода, мы сможем поднять производство. Второй фактор — что будет происходить с ценами на кокс, металл и удастся ли с этой себестоимостью продавать низкомаржинальные продукты. Также у нас есть жесткий лимит — техническая вода, которая по водоводам доходит к нам не в полном объеме. Не знаю, удастся ли восстановить энерго- и водоснабжение.

Рассматривал холдинг возможное дублирование или замену источников электроэнергии для завода?

Мы работаем над этим. Относительно резервного питания, у нас есть генераторы, которые рассчитаны только на аварийный запуск завода. Работать на них невозможно. Проблема в том, что АКХЗ построен без системы автоматического поддержания частоты электрического тока, но мы работаем и по этому направлению. Еще одна проблема — далеко не каждый подрядчик рискует ехать в зону, прилегающую к линии фронта.

Планируете дальнейшую консервацию АКХЗ?

Я очень надеюсь, что мы расконсервируем мощности, а не будем консервировать их дальше. И я надеюсь, что нам удастся восстановить поврежденные линии электропередач и мы сможем выйти на показатели хотя бы 8,5 тыс. тонн в сутки.

Понятно, что сейчас о рентабельности завода говорить не приходится. Однако у вас есть инвестиционная программа. На что планируете потратить деньги в этом году?

Главный пункт нашей инвестпрограммы — система поддержания частоты тока. На него будет направлено 22 млн грн. Также мы проводим реконструкцию железнодорожной станции, на что запланировано более 24 млн грн. Собираемся начать строительство второго блока установки сухого

тушения кокса. Всего сумма инвестпрограмм этого года составляет 347 млн грн. Да, подрядчики к нам не слишком стремятся ехать, но мы уговариваем их, привозим в бронезилетах. На самом деле все не так критично. Конечно, страшно, но к этому можно привыкнуть.

Холдинговая компания поддерживает вас финансово?

Да. Поддержка "Метинвеста" — это то, что позволило нам выжить. Да и звонки коллег с вопросом, чем еще они могут помочь, поддерживают наш боевой рабочий дух. Мы не чувствуем себя оторванными ни от компании, ни от Украины.

Как ситуация с работой на половину мощности отразилась на коллективе?

Не могу сказать, что это добавило оптимизма, но мы ведем работу с людьми. Некоторых сотрудников мы отправили в простой, сохранив 2/3 оклада. Они понимают, что если у нас будет стопроцентная финансовая нагрузка, мы утонем. Многие рабочие помогают нам в ремонтах вместо подрядчиков.

Вообще, мало кто ушел с завода. Если говорить о первой-второй линейках руководителей — никто не ушел.

Каким образом сумели удержать персонал?

Сложно понять, кто кого удержал. Каждый человек, который работает на нашем заводе, считает его практически своим домом и не даст его остановить. Мы верим в его будущее. Если бы не верили, завода бы уже не было.

Многие компании, которые работают в зоне АТО, внедряют психологическую поддержку. Есть ли на вашем заводе такая практика или работа — это то, что само по себе держит в тонусе?

Да, к нам приезжали психологи. Но у нас есть много вещей, которые позволяют держать себя в форме, например, спорт. Даже спартакиады проводим. Мы же не просто команда, а семья. В самые тяжелые времена взрослые, дети, собаки — все вместе в бомбоубежищах. Знали друг друга по именам, шли обстрелы, а мы смеялись и шутили, потому что если друг друга не поддерживать и если не верить, все бы давно остановилось.

Я знаю, что были такие ситуации в Авдеевке, когда вам даже приходилось жить в бомбоубежище.

Да, были. У нас бомбоубежища строились с расчетом на тактические ядерные удары во время холодной войны. Мы разрешали людям привозить семьи, создали внизу пункт управления, бросили сеть на 50 компьютеров. Когда стреляли — спускались вниз, пережидали шквал, после — выходили, тушили пожары, запускали завод и работали дальше.

Сейчас часто приходится спускаться вниз?

Нет, с нового года я только один раз там ночевал. Убежищами на постоянной основе мы уже не пользуемся. Некоторые продолжают там жить только потому, что им так спокойнее.

Продолжается ли отток населения? Какие в основном это категории?

До войны было 35 тыс. человек, потом, во время этого ада, был большой отток. Оставалось 8 тыс., из них 3 тыс. заводчан. Сейчас примерно 22 тысячи. Для того чтобы уехать, людям нужна работа и жилье, поэтому многие в итоге возвращаются. Да, безусловно, тяжело и продолжают стрелять, но сейчас это уже другой формат войны.

Многие не хотят уезжать принципиально. У меня была подобная ситуация. Когда начались боевые действия в Дагестане во время второй чеченской войны, я поехал за мамой, чтобы забрать ее, а она сказала: "Сынок, я буду последним человеком, который уедет из этой республики". И я не смог ее переубедить. Здесь таких людей тоже много.

Если сравнивать с прошедшими годами, сложнее сейчас или тогда?

Тогда было сложнее. Было очень страшно, когда прилетало. То "Град", то тяжелая артиллерия. Когда стреляли в течение многих месяцев. Сейчас легче.

Если говорить о мрачной перспективе, какова вероятность остановки завода?

Как в анекдоте о динозавре: есть ли шанс встретить динозавра? Есть. Какой? 50/50. Я очень надеюсь, что удача от нас не отвернется. Но если говорить о возможности остановки, линия фронта находится в 8

километрах, а орудия добивают до 40 км.

И все-таки я продолжаю оставаться оптимистом. Если бы я им не был, наверное, уже бы сидел где-нибудь в теплом месте и смотрел на море.

Представьте, что все наладилось, война закончилась. Есть ли у вас амбиции пойти дальше куда-то на повышение или останетесь с Авдеевкой?

Мне нравится моя работа, но амбиции — их никуда не денешь. Хотелось бы быть инструктором по виндсерфингу, но на это меня, вероятно, надолго не хватит. Если без шуток, следующей возможной ступенькой карьерного роста является металлургический завод. Я точно не хочу быть офисным работником, мне важно, чтобы работа была "в поле" с людьми.

А если говорить о мечтах?

Я до института жил возле моря, люблю его. Если говорить о мечте, то я бы хотел заниматься тем, чем и занимаюсь, но на море. Поэтому нужно построить большой коксохим где-нибудь на море. Как во Франции завод в Фос-сюр-Мер, там розовые фламинго ходят, очень красивые.

|

delo.ua

<https://metinvestholding.com/en/media/news/7432>